

Националисты поневоле? Социал-демократия и национальная независимость в Грузии 1918-1921 гг.

Фрэнсис Кинг

Пер. с английского И.И. Стамовой

Abstract

The Democratic Republic of Georgia (1918-1921) had the world's first ever elected social-democratic government. However, despite attempts then and later to present it as an exemplar of democratic socialism, the main tasks its leaders faced, in the context of post-imperial revolutionary chaos, were those of nation-building and consolidation. This necessarily led the state into conflict with its neighbours and national minorities, and to adopt a series of measures and compromises which both undermined the socialist aspects of the regime and fostered nationalism and even chauvinism, against the intentions and ideology of its rulers. This in turn weakened the regime, facilitating its eventual overthrow by the Red Army.

Аннотация

В Демократической Республике Грузия (1918-1921 гг.) впервые в мировой истории появилось избранное социал-демократическое правительство. Однако, несмотря на тогдашние и более поздние попытки представить его как образец демократического социализма, высшее руководство, в условиях постимперского революционного хаоса, столкнулось с такой проблемой, как формирование и укрепление государственности. Это неизбежно приводило к конфликту государства с его соседями и национальными меньшинствами, а также требовало принятия ряда мер и компромиссных решений, которые одновременно нарушали социалистические принципы режима и способствовали разжиганию национализма и даже шовинизма, вопреки намерениям и идеологии его правителей. В свою очередь, это ослабляло власть, облегчая ее окончательное свержение Красной армией.

Keywords:

Georgia, social democracy, Bolshevism, Zhordania

Ключевые слова:

Грузия, социал-демократия, большевизм, Жордания.

26 мая 1918 года Грузия провозгласила свою независимость. В отличие от многих других «государств», появившихся на территории распавшейся Российской империи как грибы после дождя, но уже за несколько недель пришедшие в упадок, Демократическая Республика Грузии (ДРГ) продемонстрировала признаки жизнеспособности. В период с 1918 г. по февраль 1921 г. ее многократно пытались уничтожить изнутри и извне, пока, наконец, она не рухнула в результате массированного вторжения Красной армии. Примечательно, что все это время маленькой, аграрной, экономически отсталой страной руководили марксисты, социал-демократы, политически солидарные с русскими меньшевиками, которые завоевали и сохранили поддержку среди большей части грузинского населения. Здесь впервые в мировой истории появилось избранное социал-демократическое правительство. В течение короткого периода государственной независимости социал-демократические лидеры предпринимали серьезные попытки проведения социальных, экономических и демократических реформ – на фоне продолжающегося конфликта с соседями и своими же национальными меньшинствами, разрухи и спада в экономике, разлаженного и зачастую коррумпированного управления.

И тогда, и позже отзвуки грузинской истории чувствовались далеко за пределами Кавказского региона. Напряженные отношения между ДРГ и Советской Россией отражали раскол в мировом социалистическом движении на социал-демократов и коммунистов. Подобно Советской России, но в

гораздо более скромном масштабе, ДРГ пыталась заручиться поддержкой у представителей международного рабочего движения. Используя широкую сеть контактов с партиями бывшего Второго Интернационала, грузинские лидеры старались изложить свою позицию зарубежным рабочим и активистам. Грузия вызвала громкий резонанс в среде европейских социал-демократов, и в 1920 г. несколько лидеров-социалистов побывали там с визитами. Карл Каутский провел в Грузии несколько месяцев, распевая дифирамбы *Социал-демократической крестьянской республике* (1921 г.). Он подчеркивал «демократическую» основу системы и заявлял, что «по сравнению с адом, царящим в Советской России, Грузия кажется раем»¹

Кампания солидарности не прекратилась с приходом к власти коммунистов посредством Красной армии. Сбежав во Францию, грузинские социал-демократические лидеры продолжали продвигать свое дело как в Рабочем и Социалистическом Интернационале, так и в более широких масштабах.

Авторы-коммунисты, наоборот, представляли ДРГ как внутриполитическую деспотию, заискивающую перед империалистами. Тон задавал Лев Троцкий в книжке «Между империализмом и революцией» (1922), где он главным образом полемизировал с Каутским. Троцкий утверждал, что ДРГ – это «меньшевистский террористический режим», целью которого, в отличие от Советской России, было «сохранение института частной собственности и союза с империалистами»². Рабочие и крестьяне Грузии свергли этот режим в ходе «Советской революции», а Красная армия всего лишь оказала братскую помощь³. Таким образом, начиная с 1920-х годов появились две противоположные интерпретации ДРГ, в дальнейшем получившие развитие. В коммунистической версии особое внимание уделялось борьбе местных большевиков, а с 1930-х годов добавились жизнеописания грузинских большевиков, таких как Иосиф Сталин, Лаврентий Берия и Серго Орджоникидзе. Работы же социал-демократов, в значительной степени дополненные мемуарами самих участников событий,

напротив, органично превратились в эмигрантский дискурс о национальной борьбе Грузии против Московского империализма за свободу и демократию.

Однако эти истории ожидали своего часа практически несколько десятилетий, пока грузинский национализм вновь не получил политический импульс в конце 1980х годов, когда распадался Советский Союз. С тех пор история тех трех лет независимости, окончившихся насильственным включением Грузии вновь в российские рубежи, стала частью официально культивируемой национальной мифологии. В этой новой официальной версии социалистические аспекты ДРГ прижены в противовес национальным. Между тем, отдельные авторы и ученые, главным образом за пределами Грузии, пытались заново открыть ДРГ как эффективную демократическую социалистическую альтернативу ужасам Советской власти. Книга Эрика Ли «Эксперимент: Забытая Грузинская Революция» (2017) – самая свежая работа, где автор четко разъясняет свою политическую позицию: «Посмотрите на грузинский эксперимент. Это и был демократический социализм»⁴.

Хотя идеология социалистической демократии, исповедуемая грузинскими лидерами, играла важную роль в истории о ДРГ, в ней действовали и другие факторы. Трагедия грузинских социал-демократов в том, что в 1918 г., вопреки своим ожиданиям и идеологическим убеждениям, они оказались лидерами не *социальной*, а *национальной* революции. Это оказалось не то, чего они хотели. Поначалу, по июль 1918 г., они были наименее националистически ориентированной силой в Грузии, по-прежнему позиционируя себя как неотъемлемую часть Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), вполне интернационалистской партии, члены которой прекрасно знали о разрушительном и разъединительном потенциале национализма. Тем не менее, уже в конце мая они сделали решительный шаг, чтобы отделить Грузию не только от России, но и от ее ближайших соседей в Закавказье – Армении и Азербайджана. В этой статье исследуется, как логика событий подталкивала социал-

демократическое руководство Грузии подчас к жестокому национализму, включая конфликт Грузии с ее соседями и собственными меньшинствами; как в результате усилий по созданию государства формировались, искажались и, в конечном итоге, сорвались демократические и социальные аспекты революции.

Грузинская социал-демократия и национальное самосознание (до 1917 г.)

Демократически настроенная национальная интеллигенция начала развиваться в 1860-е гг., а с 1890-х гг. ее молодое поколение, как, собственно, и в самой России, стало все активнее осваивать марксизм. Хотя промышленность в Грузии была развита слабо, а число пролетариев ничтожно, марксистское учение предлагало определенные возможности для маленькой угнетенной нации. Во-первых, это была современная прогрессивная европейская идеология, импонировавшая ориентированным на Запад местным интеллектуалам. Во-вторых, демократические требования социал-демократии, такие как полное юридическое и политическое равенство и гражданские права для всех представляли собой привлекательную перспективу социальной справедливости для маленькой нации, находящейся в составе имперской России. В-третьих, социал-демократия предлагала конкретную программу политических действий для осуществления демократической революции. И, в-четвертых, перспектива равноправия для всех национальностей внутри развивающегося по демократическому пути Российского государства давала возможность избежать ошибок традиционной «национальной независимости». Географическое положение Грузии, зажатой между Оттоманской Турцией и Россией, а также сложная этническая мозаика самой Грузии и всего Кавказского региона означали, что «независимость» была бы непростым выбором. Подобно еврейскому рабочему союзу Бунд, действующему на западе Российской империи, социал-демократы Грузии представляли успех российского революционного

движения в целом как верный залог своего собственного освобождения. Однако, в отличие от деятелей Бунда, они решительно выступали против этнического внутрипартийного сепаратизма, поскольку рассматривали его – в кавказском контексте – как прямой путь к катастрофе⁵.

В конце 1890-х гг. социал-демократические круги Грузии, возглавляемые авторитетным Ноем Жорданием, примкнули к РСДРП, вскоре после ее официального учреждения в 1898 г. После 1903 г., когда РСДРП раскололась на фракции большевиков и меньшевиков, большинство – но не все – грузинских членов партии заняли сторону меньшевиков. Они отвергали предложенную Лениным узкопартийную организационную модель, так как находили возможным создание более открытой партии, основанной на более широком социальном представительстве: антиколониальный, национальный характер их борьбы позволял им мобилизовать различные слои населения, в отличие от России. Но они были всего лишь «меньшевиками» во всероссийском масштабе. В самой Грузии они проводили свою собственную политику. В противовес большинству российских меньшевиков, грузины активно участвовали в растущем крестьянском движении. В 1904 г., будучи предшественниками революционной волны, охватившей Российскую империю в 1905 г., крестьяне Гурии (Западная Грузия) начали массовое восстание под политическим руководством социал-демократов и держали под контролем всю область до начала 1906 г.⁶ Грузия была активным центром революции 1905 года: помимо крестьянских бунтов происходили забастовки и политические убийства, а в сентябре того же года в Тифлисе социал-демократы организовали и скоординировали кампанию бомбежек казарм казачьих войск, посланных подавить революцию⁷. Несмотря на это, в 1905 г. беспомощные представители имперской власти в Тифлисе вынуждены были обратиться к социал-демократам за помощью. Поскольку революционные события достигли кульминационного момента, и возникла угроза межобщинных погромов, местная администрация позволила социал-демократам мобилизовать вооруженных рабочих для оказания помощи в

поддержании спокойствия⁸. Однако в условиях, когда революция по всей России терпела поражение, попытка организовать в Грузии всеобщую забастовку в декабре 1905 г. сорвалась, и было введено военное положение. Тем не менее, социал-демократы решительно зарекомендовали себя в качестве главной политической силы Грузии. На всех выборах во вновь созданную Государственную Думу, несмотря на отчаянные попытки царских властей ограничить или контролировать избирательные права населения, социал-демократы от Грузии одержали победу. Двое из грузинских депутатов – Николай Чхеидзе и Ираклий Церетели – были среди наиболее влиятельных руководителей меньшевиков в Петрограде в 1917 г.

В самой Грузии между 1905 и 1917 гг., социал-демократы, несмотря на нелегальное положение, оставались активными в сфере образования, кооперативов, профсоюзов, журналистики и местной администрации. Их представители в Думе подняли авторитет Грузии и социал-демократии до всероссийского уровня и обеспечили законный статус социал-демократии, сосуществовавшей с подпольной парторганизацией. В этот период, в отличие от многих других меньшевиков, грузинские социал-демократы выступали против идеи роспуска подпольных групп, тогда известной как «ликвидаторство»⁹. Организационная сила позволила им распространить свое влияние в Закавказье еще шире. Хотя среди мусульманского населения (главным образом азербайджанцев) идеи социал-демократии по-прежнему были не очень популярны, а у армян доминировала националистическая партия Дашнакцутюн, в многонациональном Тифлисе, административном центре всего региона, социал-демократы являлись на тот момент единственным социалистическим течением среди грузин, русских, армян и других национальностей. Благодаря столь широкому охвату, они имели очень сильные позиции, даже невзирая на серьезный спад общей революционной активности в период реакции после 1905 года.

Положение на русско-турецком фронте Первой мировой войны отличалось от ситуации на российском западном фронте. Кавказская армия

побеждала не фронте с Турцией, и а большая часть военных действий шла на турецкой территории, захваченной в начальный период войны. В то же время, после массовых убийств турками армян в 1915 г., мало кто сомневался о том, что означало бы успешное вторжение турок на Кавказ, по крайней мере, в отношении немусульманских народов Закавказья. Это во многом определило взгляд местных социалистов на войну. «Интернационалистский» отказ от войны, вероятно, имел смысл для некоторых русских марксистов, смотревших на западный фронт, в сторону Германии, однако на южном фронте – для грузин и особенно для армян – продолжение военных действий против турок до заключения мирного соглашения было буквально вопросом жизни и смерти.

Взрыв революции

Когда в начале марта 1917 г. новость о свержении самодержавия достигла Кавказа, мало кто сомневался, что РСДРП станет доминирующей партией, по крайней мере, в Грузии. Ноя Жорданию – на тот момент укрывавшегося в Тифлисе – вызвали во дворец наместника Кавказа, великого князя Николая Николаевича, где сообщили, что великий князь слагает с себя полномочия, будучи уверенным, что социал-демократы смогут установить надлежащий порядок¹⁰. Однако падение царизма вызвало бурный подъем всякого рода политической и общественной активности на Кавказе. В Грузии, как и везде на периферии империи, выдвигались не только социальные, но и национальные требования, порой одновременно. Грузины с националистическим уклоном тяготели к Грузинской партии социалистов-федералистов, а также к недавно сформированной Национал-демократической партии. Но это были партии меньшинства. В связи с главенствующим положением РСДРП поначалу события в Грузии в целом развивались в унисон с общероссийскими.

Вместо института наместничества 9 марта 1917 г. Всероссийское временное правительство создало Особый Закавказский Комитет (ОЗАКОМ), из местных членов 4-ой Государственной думы, в то время как по всей территории Грузии и в других центрах Закавказья быстро возникла сеть советов. Наиболее значимым был Тифлисский совет рабочих депутатов, основанный в начале марта по инициативе большевика Филиппа Махарадзе, однако главную роль в нем играли социал-демократы меньшевистской ориентации и возглавил его Ной Жордания¹¹. Солдаты Тифлиского гарнизона организовали отдельный совет, в котором лидирующие позиции сначала занимала (Всероссийская) Партия социалистов-революционеров (СР), но оба совета сформировали общий президиум, чьим председателем стал тот же Жордания. Хотя Тифлисский совет формально не стремился узурпировать власть ОЗАКОМа, он быстро зарекомендовал себя как самая влиятельная организация на местах. Позже в своих мемуарах Жордания писал о том, с какой жестокостью взявшие верх социал-демократы осуществляли власть на местном уровне: «Летом 1917 г. начались массовые грабежи и другие серьезные преступления. В ответ [Советский] Исполнительный комитет учредил военный трибунал, и признанных виновными расстреливали. С этого момента фактически установилась власть Совета рабочих депутатов, а все вышестоящие организации, например ОЗАКОМ, городские власти и другие обращались за решениями к Совету. Иногда случалось, что эти решения не исполнялись, так как мы с ними не были согласны...»¹².

Весь 1917 г. и первую половину 1918 г., советская организация в Тифлисе оставалась главной властной структурой Жордания, откуда он руководил работой своих товарищей в государственных и других организациях¹³, следя за тем, чтобы политическую жизнь в Грузии определяла его партия.

Большевистская фракция в Грузии была настолько слабой, что первые два месяца после свержения царя ее члены пытались работать в общих

организациях РСДРП, в которых большинство составляли меньшевики – до тех пор, пока политические разногласия не стали препятствовать дальнейшей совместной работе¹⁴. Соотношение сил обеих фракций нашло отражение в выборах в Тифлисскую городскую думу, прошедших в конце июля 1917 г., когда они стояли в отдельных списках: социал-демократы (меньшевики) набрали 42% голосов, в сравнении с менее чем 5,5% голосов, полученных большевиками¹⁵. Большевики имели большую поддержку среди этнических русских и некоторых других национальных меньшинств, а в течение 1917 г. эта поддержка особенно возросла среди солдат Кавказской армии.

На этой стадии, в период между февралем и октябрём 1917 г. основным политическим горизонтом для грузинских социал-демократов была скорее вся Российская империя, чем Закавказье или тем более Грузия. Они рассчитывали на национальную автономию для Грузии внутри демократической парламентской российской республики, но важным предварительным условием для этого являлось переустройство самой России. Партии, ориентирующие свою политику только на Грузию, такие как национал-демократы и социалисты-федералисты, по-прежнему имели намного меньше влияния. Русский меньшевик Владимир Войтинский, пропагандирующий идеи грузинской социал-демократии, позже утверждал без чрезмерного преувеличения, что

«В 1917 г. Грузия, возможно, являлась единственной периферийной страной, где не существовало сепаратистских тенденций. И хотя ее народ был проникнут национальным духом, он остался не только в основном лояльным к российским центральным властям, но был и готов к величайшим жертвам на благо русской революции»¹⁶.

В первые месяцы революции меньшевики доминировали в советах, как в России в целом, так и в Грузии в частности. В отношении войны они в целом соглашались, что фронт нужно держать до тех пор, пока не будет достигнут демократический мир. Они с нетерпением ожидали выборов во Всероссийское Учредительное собрание, которое имело бы исключительное

право определить будущий облик Российской империи. Более того, грузинские меньшевики, в особенности Николай Чхеидзе и Ираклий Церетели играли ведущие политические роли в Петроградском совете. С мая 1917 г. Церетели также работал министром Временного правительства, хотя на тот момент его соратники в Тифлисе были против участия социалистов в коалициях с буржуазными партиями¹⁷.

Однако относительная гармония продолжалась недолго. За 1917 г. увеличился разрыв между хорошо организованными и сильными грузинскими социал-демократами и их стремительно разобщающимися сподвижниками в России. Когда ранней осенью 1917 г. в Петрограде усилился политический хаос, Жордания ясно осознал некомпетентность и беспомощность центрального меньшевистского руководства и начал придерживаться мнения о том, что «единственная дорога и наша спасение – в укреплении местной власти»¹⁸.

С марта 1917 г. новые власти на всех уровнях, и не в последнюю очередь в Грузии, были полностью заняты попытками справиться с усугубляющимися неотложными проблемами. Более важные задачи, в частности, земельная реформа, откладывались до избрания и созыва Всероссийского Учредительного собрания, на том основании, что только такой орган получит полномочия и возможности для решения подобных проблем. К примеру, на Кавказском краевом съезде рабочих и крестьянских депутатов, в мае 1917 г., была принята подробная резолюция по аграрному вопросу, которая в значительной мере представляла собой рекомендации для будущего Учредительного собрания¹⁹. Однако к тому времени, когда выборы в Собрание были наконец проведены на всей территории Российской империи, включая Закавказье, в ноябре 1917 г. политическая обстановка кардинально изменилась. Временное правительство уже было свергнуто, в Петрограде большевики во главе с Лениным от имени Советов захватили власть и сразу же издали многообещающие прокламации о мире и земельной

реформе. Молчаливое согласие в том, что эти вопросы станут прерогативой Учредительного собрания, было нарушено.

После октября

Именно Октябрьская революция вывела грузинских социал-демократов на путь независимости. Ленин провозгласил «советскую власть», но «советская власть» в Грузии уже существовала. Партия Жордании контролировала самые важные советы, а также большую часть государственных учреждений, функционирующих на территории Грузии, и не намеревалась признавать ленинский Совет народных комиссаров (Совнарком) в Петрограде в качестве законного «советского правительства». Подобно большинству меньшевистских сил по всей империи, партия Жордании поначалу не предполагала, что Совнарком просуществует очень долго. На состоявшемся 26 октября / 8 ноября совместном заседании краевых и Тифлисского советов, созванного с целью рассмотреть вопрос о событиях в Петрограде, предложение большевиков одобрить действия Петроградского совета было отклонено большинством голосов – лишь 16 голосов «за», 147 «против» и 5 «воздержавшиеся»²⁰. Прозвучавшее на том же заседании требование большевиков о переизбрании всех советов в Грузии отклонили столь же легко²¹. После такого провала в Тифлисе большевики сосредоточили свои усилия на организационной и агитационной работе среди солдат в гарнизонах и на фронте. Тем временем в Баку в результате бойкота Бакинского совета со стороны других партий он оказался под контролем большевиков и левых социалистов-революционеров во главе с очень одаренным большевиком Степаном Шаумяном²². Борьба за власть была далеко не завершена, и ей предстояло войти в еще более ожесточенную фазу.

Падение Временного правительства означало, что ОЗАКОМ потерял смысл существования. 15/28 ноября 1917 г. политические руководители в Грузии, Армении и Азербайджане, никто из которых не признавал правительство Ленина, проголосовали за то, чтобы заменить ОЗАКОМ

Закавказским комиссариатом. Это была странная коалиция, включавшая, среди прочих, грузинских социал-демократов, армянских националистов-дашнаков и азербайджанских исламистов-реформистов из партии Мусават. Функции комиссариата предусматривали управление сугубо региональными делами до тех пор, пока не соберется Всероссийское Учредительное собрание. Правда, одно из его первых постановлений выходило за рамки этих полномочий: 5/18 декабря 1917 г. Закавказский комиссариат одобрил перемирие, заключенное российским и турецким командованием на южном фронте²³. В воспоминаниях об этом периоде, написанных в 1956 г., ветеран грузинской социал-демократии Григол Уратадзе утверждал, что создание комиссариата стало тем рубежом, когда Закавказье «фактически отделилось от России»²⁴. Но в тот момент Уратадзе и его товарищи представили ситуацию совсем не так – это их противники-большевики осудили идею создания комиссариата, назвав ее «планом отделения Закавказья от России», задуманном в сговоре с «армянскими, грузинскими и мусульманскими шовинистами»²⁵.

Комиссариат, объединявший национальности и политические силы с разными взглядами и интересами, был в изначальной основе своей нестабильным и, по большому счету, удерживался благодаря доминирующим позициям грузинских социал-демократов²⁶. Хотя в этом органе было только два их комиссара из двенадцати, но они занимали ключевые должности – Евгений Гегечкори был председателем и комиссаром иностранных дел, а Акакий Чхенкели – комиссаром внутренних дел. Именно Чхенкели впоследствии использовал свое положение в комиссариате для продвижения исключительно грузинских национальных интересов.

Грузия создает национальные институты

Через несколько дней после учреждения Закавказского комиссариата в Тифлисе прошла большая конференция представителей политических партий, общественных организаций и учреждений, а также национальных

меньшинств Грузии. 20 ноября/3 декабря 1917 г. на этой конференции был создан Национальный Совет Грузии под председательством Жордании²⁷. Поначалу он не обладал никакой формальной институциональной властью, но со временем, когда социал-демократы все меньше стали полагаться на такие классовые организации, как советы, а в 1918 г. закавказские организации шатались, значимость и компетентность Национального Совета возросла.

С самого начала вопрос обороны стал для грузинских лидеров главным приоритетом. К концу 1917 г. многие русские солдаты, воевавшие на Кавказском фронте, стали крайне восприимчивы к мирным лозунгам большевиков, и даже наиболее «патриотичные» среди них не были заинтересованы в том, чтобы воевать с турками ради защиты квази-независимого Закавказья. Попытки сформировать из местного населения «национальные» полки, предпринятые ближе к концу 1917 г., также провалились: большевистская антивоенная агитация незамедлительно объявила их непригодными²⁸. Заключенное с Турцией перемирие означало, казалось, что военные действия окончены, и русские солдаты покидали свои позиции на фронтах. Дисциплина была нарушена, а в Тифлисе находилось большое количество воинственно настроенных солдат, склонявшихся к большевикам. Многие из них были из других областей империи и стремились вернуться домой, однако на тот момент они принимали активное участие в местной политической борьбе. В декабре 1917 г. на Втором краевом армейском съезде были приняты резолюции, призывающие к признанию «советской власти» и к подчинению петроградским властям²⁹.

Для укрепления своих позиций в Грузии партии Жордании нужно было разоружить и вывезти этих солдат и создать собственные вооруженные силы под своим жестким контролем. Это было поручено Валико Джугели, молодому, крайне радикально настроенному социал-демократу, совсем недавно перебежавшему от большевиков. 29 ноября/12 декабря 1917 г. с разрешения Тифлисского совета он возглавил плохо вооруженную группу с

целью захватить арсенал в Тифлисе. Охранявшие его солдаты, сбитые с толку и решившие, что смена власти осуществлялась по приказу Тифлисского совета, оказали недостаточно серьезное сопротивление. Помимо арсенала, Джугели с товарищами захватили и доставили к Жордании местных большевистских руководителей Николая Кузнецова и Котэ Цинцадзе, но тот их отпустил³⁰. Захватив оружие, Джугели организовал и возглавил «Красную гвардию» - вооруженное формирование, подотчетное Тифлисскому совету и лично Ною Жордании. Это позволило грузинским социал-демократам заполучить серьезную вооруженную силу для охраны порядка. Гвардия могла оказывать сопротивление и разоружать большевистских солдат, а также действовать против других недовольных элементов на территории Грузии. Как позже, на праздновании второй годовщины Народной гвардии хвастал Джугели, «взятие арсенала окончательно оберегло Тифлис от разгрома» мародерствующими солдатами³¹. Народной гвардии суждено было сыграть основную – и роковую – роль в грузинской политике в период между 1917 и 1921 гг.

Вплоть до начала января 1918 г. все усилия по созданию государственности в Закавказье рассматривались как временные меры, до того момента, когда сможет быть созвано Всероссийское Учредительное собрание, которое разработает новые конституционные механизмы для всей империи. Эти ожидания были особенно сильны в Грузии, учитывая общероссийские перспективы доминирующих на тот момент социал-демократов. В результате разгона Учредительного собрания, учиненного правительством Ленина в Петрограде 6/19 января 1918 г., политические планы грузинских социал-демократов рухнули. Будущий облик России был еще более неясным, чем прежде, и хотя перемирие с турками пока сохранялось, продолжающийся распад Российского государства и Кавказского фронта не предвещал ничего хорошего. В начале 1918 г., в то же время как грузинские, армянские и азербайджанские руководители пытались

подкреплять свои собственные политические, экономические и военные позиции, они все еще чувствовали необходимость держаться вместе.

Тем временем большевики по-прежнему стремились включить Закавказье в состав нарождающегося советского государства. Хотя к концу 1917 г. их давние соратники по РСДРП переиграли большевиков в Грузии, борьба за контроль и влияние все же продолжалась. 16/29 декабря Ленин назначил Шаумяна «временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа»³², наделив его властью Петроградского правительства над любым органом или группой солдат, которые ее добровольно признавали. Местные большевики возражали против всех мер, нацеленных на создание региональных несоветских госучреждений, поэтому они были категорически против выдвинутого в феврале 1918 г. решения об учреждении областного законодательного органа – Закавказского сейма, на основании результатов выборов в местные учредительные собрания. Под руководством Шаумяна большевики организовали в Тифлисе массовый митинг протеста, приурочив его к открытию Сейма. Опасаясь штурма здания парламента и захвата власти, тифлисское начальство запретило демонстрацию. Когда толпа отказалась подчиниться приказу полиции разойтись, силы комиссариата при поддержке Красной гвардии открыли пулеметный огонь. Выступая сразу после этого события на заседании Тифлисского совета, Жордания заявил, что он был против использования силы, но так как «высшая краевая власть признала необходимость арестовать Шаумяна и Кузнецова»³³, они предоставили в распоряжение властей бойцов Красной гвардии. Он пообещал, что комиссия ИК Совета тщательно расследует это дело, однако позже в своих мемуарах отмечал, что они «заранее знали, что этот результат останется под сукном»³⁴. Вскоре большевистская партия на территории Грузии была объявлена вне закона. Не сумев захватить власть в ходе прямого наступления и лишившись возможности агитировать открыто, грузинские большевики ушли в подполье и старались использовать в своих целях любые проявления смуты и

недовольства. Недостатка в таких поводах не было, особенно среди национальных меньшинств Грузии.

Турецкое давление и независимость Грузии

За первые два месяца существования Сейма его представители продолжали настаивать, что Закавказье не отделилось от России, что они всего лишь не признали большевиков в качестве законных правителей России. Этот вымысел, как оказалось, дорого обошелся. С момента заключения в декабре перемирия турки пытались подтолкнуть деятелей Закавказья к провозглашению независимости³⁵, в надежде заполучить таким образом в качестве соседа слабое буферное государство. Цепляясь за воображаемый статус неотъемлемой части России и одновременно отказываясь признавать власть большевиков, закавказские лидеры отвергли приглашение Турции принять участие в мирной конференции представителей большевистского правительства и Центральных держав, проходившей в Брест-Литовске. В результате переговорщики Ленина заключили с турками соглашение о южном фронте, не сочтя необходимым проконсультироваться с местными руководителями. Тем временем, в феврале 1918 г. турки отыскивали повод нарушить перемирие и начать наступление теперь уже через практически незащищенную линию фронта.

Пока в марте и апреле представительная, а значит, трудно управляемая закавказская делегация пыталась вести переговоры с турками, ей были выдвинуты новые требования о признании территориальных уступок, согласованных в Брест-Литовске, и о готовности незамедлительно покинуть в основном армянские территории. Когда члены делегации попытались возразить, турки усилили наступление. На каждую уступку практически беззащитных закавказских представителей турки отвечали новыми требованиями. В довершение ко всему, азербайджанские лидеры дали понять грузинам и армянам, что больше не заинтересованы в войне с Турцией. Они также стали настаивать на провозглашении независимости Закавказья³⁶.

22 апреля 1918 г. Сейм, смирившись с неизбежностью, объявил об учреждении «Закавказской Демократической федеративной республики». Но это нестабильное и нежеланное образование не выдерживало постоянного давления со стороны Турции. Возобновленные в Батуми в мае 1918 г. мирные переговоры провалились из-за неуступчивости турецкой делегации и вместо этого стали, как выразился Тадеуш Светоховский, «центром закулисных интриг»³⁷. Одним из главных интриганов был грузин Акакий Чхенкели, формально глава и министр иностранных дел Закавказского правительства, а также руководитель делегации. Осознавая бессмысленность своих официальных инструкций, потому как Армения была практически полностью оккупирована, а делегаты от Азербайджана в Батуми одобряли опеку турок, Чхенкели предпочел сыграть на противоречиях между Германией и Турцией по поводу будущего Закавказья, и сохранить Грузию путем сделки с Германией. 22 мая он направил из Батуми секретную телеграмму в Национальный совет Грузии в Тифлисе, в которой кратко изложил суть своих бесед с германским представителем генералом фон Лоссовым. В сущности, он сообщил о свершившемся факте – договоренности с фон Лоссовым о том, что Грузия провозгласит независимости и немедленно попросит у Германии защиты, которая будет предоставлена в виде контингента германских войск. Более того, в предчувствии дальнейших событий Чхенкели настаивал, что «независимость Грузии должна быть провозглашена *без указания ее границ*», поскольку если какие-то будут названы, а другие нет, то в этих территориях, возможно, будет отказано. «Эти вопросы, -- продолжал он, -- следует включить в сферу негласных полномочий министра иностранных дел и сделать предметом соглашения с германским правительством»³⁸. Он явно предвкушал перспективу получения независимости, когда заканчивал телеграмму словами: «Кто когда-либо создавал государство, не рискуя?», и цитировал знаменитый призыв Дантона – «смелость, смелость и еще большая смелость»³⁹.

Некоторые другие грузинские социал-демократы, знающие о том, что вопрос об отделении от Закавказья обсуждался, но в принципе не подозревавшие о тайной дипломатии, выражали меньше энтузиазма. При обсуждении статьи, опубликованной в партийной русскоязычной газете «Борьба» 26 мая, в тот самый день, когда было объявлено о роспуске Сейма, утверждалось, что поддерживаемая Германией «независимая Грузия» будет существовать только на бумаге, что поведение Грузии будет воспринято как действия по принципу «спасайся, кто может», и что это приведет к «глубокой пропасти между народами Закавказья»⁴⁰. Эти замечания оказались пророческими.

Провозглашение независимости

Последний удар по Закавказской федерации с присущим ему апломбом нанес Ираклий Церетели 26 мая на заключительном заседании Сейма. «У нас есть фиктивное единство Закавказья», утвердил он, прежде чем обратился к грузинскому народу: «Ты на данный момент один, ты предоставлен только своим силам ... знай, если хочешь отстаивать свои интересы, спасти себя, то ты должен создать свой государственный организм...»⁴¹. Получив всего лишь два голоса «против», Сейм упразднил и Федерацию, и себя самого. Вечером того же дня, в том же самом здании Жордания открыл заседание Национального Совета Грузии. Он заявил, что «созданное сегодня новое грузинское государство никогда не будет действовать против интересов какой-либо нации, какого-либо народа или какого-либо государства... никакой народ, проживающий в нашей стране или за ее пределами, не испытает горе и страдания, моральное унижение или оскорбление по нашей вине...»⁴². Заседание окончилось единогласным принятием декларации независимости, состоявшей из семи пунктов. Теперь Национальному совету, пополненному представителями национальных меньшинств, было поручено действовать как парламенту Грузии до избрания и созыва Учредительного собрания Грузии, а также выбрать подотчетное только ему временное

правительство⁴³. Правительство, которое сначала возглавил социал-демократ Ной Рамишвили, представляло собой коалицию всех основных политических сил Грузии. О традиционных возражениях социал-демократов против союза с несоциалистическими партиями, еще год назад высказывавшихся столь решительно, забыли.

Казалось, укоренившееся в стране немецкое меньшинство приветствует такой поворот событий: в газете *Kaukasische Post* появилась эксцентричная торжественная статья «Ура, Грузия!», в которой описывалась страна, подобно Спящей красавице, пробудилась от сна, после того, как ее поцеловал (германский?) принц⁴⁴. Статья выражала удовлетворение по поводу того, что наконец-то социал-демократы повернулись к позиции остальных грузинских национальных партий, отказавшись сначала от идеи «единого российского социал-демократического фронта», а затем и «закавказского демократического фронта», чтобы, в конечном итоге, остановиться на «едином грузинском демократическом фронте»⁴⁵.

Поначалу такая похвала могла вызвать смущение: в письме русским товарищам-меньшевикам от 2 июня 1918 г. грузины приносили чуть ли не извинения за то, что переключились на идею о независимости: «Мы лишь оформили то положение, которое сложилось против нашей воли, вопреки нашим усилиям»⁴⁶. Только в середине июля 1918 г. они стали представлять себя как независимую от РСДРП партию. Но, выбрав в итоге независимость, они с энтузиазмом принялись за ее осуществление.

Германская военная оккупация ограничивала эту «независимость», хотя захватчиков мало интересовала внутренняя политика Грузии. Гораздо больше их волновало освоение ее природных богатств – марганцевой руды и угля. Германия также рассчитывала на установление контроля над бакинскими нефтяными месторождениями Баку, и транспортными путями к черноморскому побережью. В свою очередь, грузины надеялись на международное признание, защиту от Турции, определенную степень внутренней стабильности и помощь в установлении приемлемых границ. На

самом деле ни одна из сторон не получила того, чего желала. Из-за царившего в Грузии хаоса эффективное освоение ее ресурсов было затруднено, хотя партии грузов марганцевой руды отправились в Германию. В августе Грузия получила временное признание со стороны Германии, которое основывалось на дополнении к Брест-Литовскому соглашению, однако после падения кайзера в ноябре 1918 г. Германия от него отказалась⁴⁷. Тем не менее, в целом грузинские социал-демократы сочли опыт немецкой оккупации полезным.

Основным средством социально-имущественного перераспределения, на начальном этапе независимости являлась земельная реформа. Законодательная база сформировалась Закавказским Сеймом 20 марта 1918 г., но никто не попытался претворить ее в жизнь где-либо за пределами Грузии. Реформа едва ли носила социалистический характер, да и с экономической точки зрения, не была рациональной, так как предполагала предоставление малым и средним крестьянским хозяйствам законного права собственности на землю, конфискацию всех крупных поместий, продажу земельных участков крестьянам. Однако главной целью, по выражению Войтинского, было «превращение крестьянства в оплот нового республиканского режима»⁴⁸. С этой точки зрения, реформа была частично успешной, по крайней мере, там, где ее удалось осуществить. Но с самого начала она встретила сопротивление не только бывших землевладельцы, но и, в отдельных районах, недоверчивых крестьян. Летом 1918 г. в этнически грузинском районе Душетия власти столкнулись с сельским бунтом, во главе с прорусски и пробольшевистски настроенными крестьянами. Эта ситуация с перерывами повторялась по всей Грузии. Лишь малая часть крестьян принимала участие в бунтах, основная масса выиграла от реформы⁴⁹. Тем не менее ситуация с продовольствием в стране оставалась крайне тяжелой – независимость нарушила давние торговые и иные связи с территориями вдоль границы с Россией. Страна по-прежнему не могла прокормить себя без крупных поставок зерна с Северного Кавказа.

Государственное строительство

Главной задачей грузинских руководителей после мая 1918 г. было создание государства Грузия. Эта идея способствовала росту национального самосознания и помогла отстоять нейтралитет страны перед лицом немецких требований о заключении военного союза⁵⁰. Однако это также создавало атмосферу, которую многие не-грузины не всегда безосновательно воспринимали как проявление оголтелого грузинского шовинизма. Поднялась кампания, ставившая целью «национализировать» госаппарат – превратить Грузию из провинции Российской империи, управлявшейся на основе русского языка, в государство с собственным национальным языком, в котором администрирование, образование и проч. осуществлялось на грузинском языке. Эта программа с самого начала проводилась энергично.

Столица Тифлис представляла собой особые проблемы. Это не был по-настоящему «грузинский» город. При российском правлении он являлся космополитичным центром торговли и имперского управления. Его самой многочисленной национальной группой были армяне – до 45% населения. Вдобавок, многие тифлисские армяне, занимаясь торговлей и владея внушительной собственностью, долгое время играли ведущую роль в местной политике и в Городской думе Тифлиса. Как мы увидим, к началу 1919 г. ситуация резко изменилась.

Русские составляли вторую по численности этническую группу в Тифлисе и многие из них работали в местном административном аппарате⁵¹. В основном именно эти люди должны были лишиться своих мест в соответствии с программой «национализации», которая, как позже с некоторым лукавством вспоминал Григол Уратадзе, «была встречена известной частью русских проживающих на территории Грузии, совершенно незаслуженной враждебностью»⁵². Среди других проживающих в Грузии национальных групп проект построения национального грузинского государства также не вызвал большого энтузиазма, хотя социал-демократы

искренне пытались вовлечь их в политическую жизнь страны. Недовольство этих меньшинств позже будут использовать как белые, так и красные в стремлении вновь вернуть Грузию в состав Российского государства.

При любом режиме должны соблюдаться закон и порядок, но в условиях нищеты, хаоса войны и революции добиться этого было непросто. Преступность, бандитизм и самосуд стали обычным делом. Малодееспособные госучреждения не имели серьезного влияния и не пользовались всеобщим уважением. Большевистские организации и на периферии, и в грузинском подполье проявляли активность, поэтому беспорядки на местах, из-за действий или заявлений агитаторов, зачастую приобретали «большевистскую» окраску. Поскольку сильно недоукомплектованные полиция и армия были завалены работой, задача обеспечения порядка и безопасности нередко поручалась вооруженным формированиям самих социал-демократов, то есть Красной (после июня 1918 г. «Народной») гвардии Валико Джугели. Вокруг этой организации и ее лидера возник своего рода официально насаждаемый культ. Дата ее создания, 12 декабря, стала национальным праздником. В своем чересчур романтизированном дневнике Джугели восхвалял подвиги товарищей и собственные подвиги, совершенные в ходе карательных экспедиций по всей стране, а также в ходе вспомогательных армейских операций на разных участках фронта. Дневник печатался по частям в газете *Борьба*.⁵³ По утверждению Джугели, «в своей основе народная гвардия чиста и бескорыстна» были «предельно честными и бескорыстными», проникнуты духом «интернационализма» и, как правило, олицетворяли «человеческую красоту» и «величие демократии»⁵⁴.

Вряд ли жертвы карательных операций Джугели видели все в таком же свете. Описывая один из ранних рейдов с целью подавить крестьянское восстание в Душети, передовица *Борьбы* от 29 июня 1918 настойчиво призывала Народную гвардию спасти республику «беспощадной расправой с предателями и изменниками», утверждая, что возглавлявшие мятеж

«большевики действуют заодно с агентами черносотенной контрреволюции и с турецкими эмиссарами»⁵⁵. Француз армянского происхождения, Жан Лорис-Меликов, родом из Тифлиса, так писал о народогвардейцах: «Им хорошо платили, и они терроризировали население»⁵⁶. «Террор» в Грузии никогда не являлся системной частью государственного строительства. Впрочем, в отдельных случаях его, естественно, использовали и официально поощряли – в частности, в ходе подавления мятежей среди национальных меньшинств.

Война против Армении и армян

Оказалось, что отказ Акакия Чхенкели определить государственную границу после объявления независимости стал рецептом для поощрения межэтнического конфликта на периферии. Последующие события в мае 1918 г. усугубили армянское недовольство по поводу южной грузино-армянской границы, благодаря которой Грузия якобы добилась самосохранения за счет Армении. Сообщалось, что 80 тысячам мирных армян из Ахалкалакского района, сбежавшим от нападения турок в июне 1918 г., грузинские войска не пустили на территорию, занятую Грузией, и обрекли на голод в условиях высокогорья. По оценкам армянских источников, 30 тысяч армян погибло. Согласно тем же данным, спустя несколько месяцев 15 тысяч вновь прибывших беженцев оттеснили назад к границе, где их уничтожили турецкие банды⁵⁷. Имели место и территориальные споры: в июне 1918 г. Грузия оккупировала северную часть района Лори, тем самым обеспечив в этой местности, населенной преимущественно армянами, заслон от турок. Поначалу Жордания заявлял, что это временная мера, но вскоре Ираклий Церетели объявил северное Лори суверенной грузинской территорией⁵⁸. Находясь на тот момент под натиском турецких войск, Армения мало что могла изменить, однако к осени 1918 г., когда Германия в качестве гаранта независимости Грузии потерпела поражение, армянские иррегулярные силы при поддержке местного населения начали войну с Грузией. К середине

декабря Грузия и Армения находились в состоянии войны. Конфликт продолжался две недели, до тех пор пока при посредничестве новых, на этот раз британских оккупантов (заменивших германских) не было установлено перемирие, вступившее в силу в полночь 31 декабря 1918 г.⁵⁹ В своем «дневнике» Джугели написал о последних отчаянных попытках своей бригады занять (армянскую) деревню Болнис-Хачин до начала перемирия, чтобы «преподнести своему народу прекрасный новогодний подарок»⁶⁰.

Война дала новый толчок и грузинскому, и армянскому национальному шовинизму. В Грузии, как заметил Ричард Ованесян, «основная тяжесть войны» пришлось на «армян в Тифлисе и близлежащих районах»⁶¹. Все мирные армянские жители района были объявлены военнопленными. В январе 1919 г. нескольких из них собрали и демонстративно провели по улицам как пойманных боевиков⁶². Национальная и классовая ненависть вылилась в систематическую, полуофициальную кампанию арестов, разграбления и унижения мирных армян, особенно столичных буржуа, чье имущество в начале 1919 г. было масштабно экспроприровано. И хотя активное преследование армян вскоре пошло на убыль, армянские и русские жители Тифлиса бойкотировали муниципальные выборы, обеспечив тем самым впервые за всю историю национальное грузинское большинство в местных органах власти⁶³. Весь позорный эпизод послужил дополнительным стимулом для кампании «национализации».

Социал-демократы у власти

Кризис и война неизбежно требовали большого внимания со стороны правительства и еще больших затрат государственных ресурсов. Тем не менее, было положено начало различным модернизационным реформам. В рамках процесса национализации, быстро расширилась сеть начальных школ, в которых образование проходило на грузинском языке. Войтинский утверждал, что к 1920 г. в стране существовало более 2 тысяч начальных школ, а это вдвое превосходило дореволюционное количество⁶⁴. Тифлисский

университет, первый на Кавказе, был основан в январе 1918 г. Была расширена и сеть публичных библиотек. Выдвигались инициативы в сфере образования для взрослых, а также общественного здравоохранения и прогрессивного трудового законодательства. Некоторые из крупнейших экономических активов, главным образом горнодобывающий сектор, были либо национализированы, либо подчинены государственной монополии торговли. Такие меры помогли социал-демократам сохранить, невзирая на экономическую разруху и другие проблемы, популярность – по меньшей мере, среди этнических грузин. Выборы в Учредительное собрание Грузии, прошедшие в феврале 1919 г., принесли социал-демократам убедительную победу. Их партия получила 408,541 голосов против 33,630 голосов в поддержку социалистов-федералистов, 30,128 голосов было подано за национал-демократов и 21,453 за социалистов-революционеров. В новом Собрании из 130 мест у социал-демократов поначалу было 109⁶⁵. Большевики по-прежнему считались незаконной партией, и не имели права участвовать в выборах, поэтому если кто-то им и сочувствовал, на результатах голосования это не отразилось. Кроме того, так как правом на голосование обладали только граждане, проживающие в Грузии, представители национальных меньшинств были слабо представлены, хотя в списках социал-демократов числились представители всех основных национальностей⁶⁶.

Собрание не спешило выполнить свою главную задачу по разработке конституции – первую конституцию приняли лишь 21 февраля 1921 г., к тому моменту, когда в Грузию уже вторглись с нескольких сторон уже части Красной армии, и ДРГ доживала свои последние дни⁶⁷. Вместо этого, Собрание с марта 1919 г. по февраль 1921 г. играло роль парламента республики, которому подчинялось правительство (после марта 1919 г. состоявшее исключительно из социал-демократов).

На протяжении всего периода независимости экономическая ситуация в Грузии была катастрофической. В частности, в плачевном состоянии находились государственные финансы – в первый год общий объем

государственных доходов покрыл лишь третью часть государственных расходов⁶⁸. Финансовые затраты на нужды обороны и переход на независимое положение резко возросли, в то время как налоговые поступления сократились, а дотации от России прекратились полностью. У Советской России было много сходных проблем, поэтому стоит сравнить подходы властей к их решению. Оба государства прибегли к печатанию денег для покрытия государственных расходов, и в обоих случаях результатом была безудержная инфляция. Однако политика национальной консолидации, осуществлявшаяся правительством Жордании, означала, что оно не следовало большевистскую практику развязывания внутренней гражданской войны против «классовых врагов», и не прибегало к реквизициям с целью мобилизации ресурсов в таких же масштабах, как в России. Действия, предпринятые в начале 1919 г в отношении тифлисских армян, не являлись частью более широкой кампании по насильственной экспроприации частной собственности.

Одним из нежелательных последствий политического и экономического хаоса на всей территории Закавказья было скопление людей в больших городах, особенно в Тифлисе. Жан Лорис-Меликов отмечал: «По мере того, как Тифлис заполняется грузинами со всех частей страны, грузинские деревни пустеют [...] Создается впечатление, что жизнь в провинции остановилась; объемы производства вдвое меньше, чем при российском правлении»⁶⁹.

В связи с крайней перенаселенностью и дефицитом продовольствия в Тифлисе, в ноябре 1919 г. правительство ввело жесткие меры по выдворению из города в течение двух недель безработных внутренних и иностранных мигрантов. Не занимающиеся бизнесом в Тифлисе иностранные граждане должны были покинуть республику, безработным грузинам надлежало вернуться в места регистрации. Всех жителей обязывали регистрироваться для подтверждения права проживания в городе, а потворствующим нарушению этих мер домовладельцам и работодателям самим грозило

выселение⁷⁰. В появившихся впоследствии в прессе уведомлениях были представлены дополнительные суровые меры на случаи неповиновения. Таким образом, «разгрузка» Тифлиса за счет выселения в первую очередь негрузинских граждан способствовала «национализации» города.

Конфликт на северной границе – Абхазия, Осетия и аннексия Сочи

На всем протяжении существования ДРГ на границе Грузии с российским Северным Кавказом было неспокойно. В разное время там находились белые армии, надеявшиеся отвоевать Закавказье, большевики, стремившиеся «советизировать» эту территорию, а также различные местные вооруженные банды. Летом 1918 г. грузинские войска продвинулись через Абхазию на северо-запад и заняли российское Черноморское побережье от Сочи до Туапсе. Хотя в этой части проживало мало этнических грузин, ДРГ направила туда министра правительства Евгения Гегечкори, чтобы заручиться поддержкой в вопросе о присоединении Сочинского района к Грузии. Министру удалось получить заверения со стороны местных социалистов, но там уже находилась Добровольческая армия генерала Деникина. Гегечкори не смог убедить его и других генералов смириться с потерей российской территории, и, таким образом, Грузия вынуждена была сдать прибрежный участок вместе с Сочи⁷¹.

В целом правительство Жордании относилось к белой армии генерала Деникина с враждебностью. Это вызвало трения во время британской оккупации в 1919-1920 гг., так как британцы в Гражданской войне выступали за белых и не поддерживали претензий Грузии на собственную государственность. В начале 1919 г. грузины вынуждены были уступить британским требованиям и разрешить небольшому отряду белых пройти через территорию Грузии. Большевистские агитаторы, заинтересованные в разоблачении грузинской «решительной поддержки белогвардейцев»⁷², попытались использовать этот факт в качестве доказательства, однако представленные ими документы не содержали убедительных аргументов⁷³. В

глазах грузинских социал-демократов белые олицетворяли собой контрреволюцию, реакцию монархистов и русский империализм. В дневниковых записях Джугели за апрель 1919 г., когда, как казалось, его Народной гвардии предстояло сражаться с силами Деникина, было гораздо больше энтузиазма по поводу именно этих боевых действий, а не многих других⁷⁴. В то же время необходимо было ежедневно вести с белыми трансграничные переговоры как на коммерческие, так и на политические темы. Иногда бойцы, участвовавшие в Гражданской войне к северу от тех мест, пытались найти убежище на грузинской территории, отчаянно спасаясь от преследования противника. Одной из попыток грузин сохранить свою северную границу в сентябре 1919 г. была поддержка восстания против белых в Чечне и Дагестане, организованного при помощи Союзного Меджлиса горских народов Кавказа, обосновавшегося как раз в Тифлисе. Известный меньшевик из Владикавказа, мусульманин Ахмед Цаликов, в 1919 и 1920 гг. печатал в правительственной типографии Тифлиса газету этого Меджлиса «Вольный горец»⁷⁵. В своем регионе грузины вели «державную» политику.

Помимо этнических грузин, армян и русских, на территории, на которую заявляла свои права Грузия, проживали и другие национальности – абхазы на северо-западном побережье вокруг Сухума, осетины на севере и аджарцы на юго-востоке вокруг Батума. У всех этих групп политическая ориентация отличалась от грузинской; абхазы и осетины говорили на совершенно разных языках, а большинство аджарцев были мусульманами. Большевицские идеи в целом прочнее укоренились среди абхазов и в Батуме.

Что касается Абхазии, заключившей договор с Грузией в июне 1918 г., то там ДРГ признала в известной степени местную автономию. Однако активность на этом направлении также проявляли и большевики, и белые. Белые были полюсом притяжения для обеспокоенных абхазских землевладельцев, тогда как большевики разжигали недовольство крестьян по

поводу медленных темпов земельной реформы. В Абхазии было стабильно неспокойно, но чаще всего споры между Тифлисом и Сухумом носили не военный, а политический характер⁷⁶.

В Южной Осетии ситуация была иная – ни о какой автономии никто не договаривался, а репрессии были жестокими. В апреле-мае 1920 гг. местные большевики организовали здесь мятеж, который совпал с вторжением Красной армии в Азербайджан, в ожидании того, что затем наступила бы очередь Грузии. Ленин и Сталин попытались притушить мятеж, однако местные продолжали провести свои планы, и к концу мая по всей Южной Осетии была провозглашена «Советская власть»⁷⁷. Джугели назвал этот случай «юго-осетинской Вандеей» и написал, что «этих изменников надо жестоко наказать»⁷⁸. Суть его тактики была такова: села, которые, предположительно, поддержали мятежников сжечь дотла, а жителей прогнать в горы. Он говорил со злобным удовлетворением: «И там им будет холодно. Очень холодно!»⁷⁹. За подавлением восстания последовали повсеместные этнические чистки, в результате которых всех осетин, не сумевших доказать свою непричастность, выдворили в находившуюся в составе Советской России Северную Осетию. Вот почему спустя несколько месяцев, в феврале 1921 г. осетины с таким энтузиазмом участвовали вместе с Красной армией в свержении социал-демократического правительства⁸⁰. Память о жестокости грузин во время той кампании жива в Южной Осетии и по сей день.

Международное признание

С самого начала лидеры ДРГ мечтали о международном признании, которое, как они надеялись, укрепит самостоятельное существование государства. Признание со стороны Германии в 1918 г. потеряло смысл после ее поражения в войне, а британские оккупационные войска, сменившие в конце 1918 г. немецкие, поддерживали белых в их стремлении восстановить Российскую империю. К 1920 г. ситуация изменилась. Белых ожидало

поражение, а британцы покидали Закавказье, окончательно оставив в сентябре Батум. Главной угрозой с севера была Советская Россия. В конце апреля Красная армия захватила Азербайджан, главным образом с тем, чтобы обеспечить России доступ к бакинской нефти. Силы ДРГ дали отпор Красной армии, стремившейся продвигаться дальше, на территорию Грузии, а Народная гвардия сорвала попытку тифлисских большевиков поднять 2 мая восстание. Советская Россия, действовавшая в тот момент на пределе своих военных возможностей из-за войны с Польшей, решила отложить планы по повторному присоединению Грузии, а вместо этого заключить мир. 7 мая 1920 г. без ведома тифлисских большевиков, Григор Уратадзе провел в Москве переговоры о подписании соглашения, по условиям которого Россия отказывалась от каких-либо претензий на Грузию и признавала ее независимость и границы. В секретном дополнительном соглашении Грузия, в свою очередь, давала обязательство легализовать деятельность Коммунистической партии⁸¹.

Для ДРГ договор с Россией имел как положительные, так и отрицательные стороны. В Тифлисе было сформировано большое, хорошо укомплектованное посольство, служившее центром местной большевистской организации. В то же время грузинам стало легче следить за местными большевиками и арестовывать любого за попытку осуществить переворот. Тем не менее, признание Советской Россией служило предпосылкой для аналогичного признания со стороны крупных европейских держав в январе 1921 г.

Как отмечалось выше, Грузия также стремилась добиться признания крупных рабочих партий Европы и потому в конце 1920 г. приняла высокопоставленную делегацию социалистических лидеров, как бы по аналогии с зарождающимся политическим туризмом в Советскую Россию. Карл Каутский пробыл в Грузии несколько месяцев. Визиты других лидеров, включая Рамсея Макдональда в октябре, длились меньше. Их отчеты были полны энтузиазма. Макдональд сообщал в газете *Manchester Guardian*, что

«Грузия – высокопроизводительная страна. Здешнее вино очень высокого качества. Страна в целом процветает, еда в изобилии»⁸². Он также заверял читателей, что «в Грузии полная свобода мнений» и что «большевистскую пропаганду [...] не препятствуют»⁸³.

Каутский написал обстоятельную брошюру «*Грузия. Социал-демократическая крестьянская республика (1921)*», в которой, точно так, как восторженные иностранные гости Советской России того времени, не нашел никаких недостатков у принимающей стороны. Он практически не уделил внимание национальному вопросу или каким-либо репрессивным мерам, которые в разное время применяло правительство ДРГ. В целом, представление Каутского ДРГ в качестве успешного социал-демократического примера и «антитезы большевизму»⁸⁴, было скорее связано с его личной борьбой с коммунистами в Германии, чем с реалиями жизни в Грузии.

Однако Каутский был совершенно прав, когда отмечал, что предшествовавший вторжению Красной армии в феврале 1921 г. мятеж был инициирован не представителями тифлисского пролетариата, которые, в общем-то, оставались лояльными к правительству, а жителями «отдаленных селений»⁸⁵. Большевикам не удалось спровоцировать настоящее восстание рабочих, которым бы Красная армия могла оказать «братскую помощь», поэтому им пришлось удовольствоваться крестьянским бунтом. По горькой иронии, центром бунта 11 февраля стал район Лори, с преимущественно армянским населением, который Грузия аннексировала и боролась за сохранение его в своем составе. Армения, занятая войсками Советской России за несколько недель до этого, в конце ноября 1920 г., в результате раздела с Турцией, теперь служила плацдармом для нападения, в ходе которого через пять недель Грузия была захвачена. Консолидация грузинской нации продолжалась на протяжении последующих 70 лет, но уже в рамках Грузинской советской социалистической республики.

Демократический социализм или нациестроительство?

Лидеры грузинских социал-демократов были серьезными марксистами, которые прекрасно понимали идею социалистического интернационализма. Однако характер политического режима не определяется только лишь добрыми намерениями его лидеров. ДРГ была создана на фоне постоянной внутренней и внешней опасности, усилиями тысяч простых грузин, которых мало волновали премудрости социал-демократии и которые искренне хотели построить грузинское национальное государство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие наблюдатели отмечали атмосферу национального шовинизма, царившую в независимой Грузии. Один из наиболее язвительных наблюдателей, британский журналист Карл Эрик Бекхофер, побывавший в Грузии в конце 1919 г., объявил ее «классическим примером империалистической ‘малой нации’», добавив, что «претендующий на территории за своими границами и отягощенный бюрократической тиранией изнутри, грузинский шовинизм становился беспредельным»⁸⁶. Жан Лорис-Меликов указывал на такие мелочные акции, как уничтожение в Тифлисе всех знаков и указателей на русском и армянском языках⁸⁷, и даже Рамсей Макдональд писал, что «грузины выражают крайние антибольшевистские и антироссийские настроения»⁸⁸. А вердикт армянина Микаела Варандяна вообще очень суров: «в теории грузинская социал-демократия всегда проповедовала подлинный интернационализм, однако в реальности она проводили грубую националистическую политику»⁸⁹.

Могло ли быть иначе? Грузинские социал-демократы никогда не намеревались возглавлять движение за независимость. Однако нетрудно понять, как обстоятельства, преданность демократии и желание выполнить обязательства избранных представителей народа поставили их в такую ситуацию. К сожалению, во многом, как в то время отмечал Лорис-Меликов, они были тем самым «побеждены мелкобуржуазным национализмом»⁹⁰. Ими руководил не злой умысел, а логика той ситуации, которая втянула их в

секретную дипломатию с имперской Германией и Турцией за счет армян, в пограничные войны с соседями из-за территориальных споров, а также в конфликт со своими собственными национальными меньшинствами. Все это взрастило именно такой шовинизм, с которым социал-демократы боролись на протяжении своей политической жизни. Задача построения национального государства на фоне войны, разрухи и межэтнической борьбы имеет свою собственную логику – логику, которую трудно соединить с пролетарским интернационализмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Karl Kautsky, *Georgia. A Social-Democratic Peasant Republic*, London, 1921, p71.

² Leon Trotsky, *Between Red and White*, London, 1922, p50.

³ *Ibid.*, p85.

⁴ Eric Lee, *The Experiment: Georgia's Forgotten Revolution 1918-1921*, London, 2017, p236.

⁵ For the discussion on this in 1903 and later in 1906, see Stephen Jones, *Socialism in Georgian Colours. The European Road to Social Democracy 1883-1917*, Cambridge MA, 2005, pp111-112, 213-214.

⁶ Jones, *Socialism in Georgian Colours*, Chapter 6 (pp129-158) contains an excellent and succinct account of this episode.

⁷ Wladimir Woytinsky, *La Démocratie Géorgienne*, Paris, 1921, p62.

⁸ *Ibid.*, pp.63-65; Jones, *Socialism in Georgian Colours*, pp191-192.

⁹ Woytinsky, *La Démocratie Géorgienne*, p69.

¹⁰ See G. I. Uratadze, *Obrazovanie i konsolidatsii Gruzinskoy Demokraticheskoy Respubliki*, Munich, 1956, p16.

¹¹ Noy Zhordania, *Moya zhizn'*, Stanford CA, 1968, p.73.

¹² *Ibid.*, p76

¹³ Woytinsky, *La Démocratie Géorgienne*, p75.

¹⁴ See Firuz Kazemzadeh, *The Struggle for Transcaucasia (1917-1921)*, New York, 1951, p39.

¹⁵ See Avtandil Menteshashvili, *Iz istorii vzaimootnosheniy Gruzinskoy Demokraticheskoy Respubliki s sovetskoy Rossiey i Antantoy. 1918-1921 gg.*, Tbilisi, 1989, p4.

¹⁶ Woytinsky, *La Démocratie Géorgienne*, p.80.

¹⁷ Resolution of the Caucasus Regional Congress of Workers' and Peasants' Deputies, 25 May 1917, in S. E. Sef, *Revolutsiya 1917 goda v Zakavkaz'i*, Tiflis, 1927, pp148-149.

¹⁸ Zhordania, *Moya zhizn'*, p78

¹⁹ See Sef, *Revolutsiya 1917 goda*, pp161-163.

²⁰ See *ibid.*, p290.

²¹ See *ibid.*, p289.

²² Kazemzadeh, *The Struggle for Transcaucasia*, pp50-51.

-
- ²³ See Tadeusz Swietochowski, *Russian Azerbaijan, 1905-1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community*, Cambridge, 1985, p119.
- ²⁴ Uratadze, *Obrazovanie i konsolidatsii*, p24.
- ²⁵ Bolshevik newspaper *Kavkazskiy rabochiy* cited in G. Khachapuridze, *Bol'sheviki Gruzii v boyakh za pobedu sovetской vlasti*, Moscow, 1951, p135.
- ²⁶ Kazemzadeh, *The Struggle for Transcaucasia*, p58.
- ²⁷ See Jones, *Socialism in Georgian Colours*, 260-261; Uratadze *Obrazovanie i konsolidatsii*, pp38-40.
- ²⁸ See Zhordania, *Moya zhizn'*, pp79-80; Uratadze, *Obrazovanie i konsolidatsii*, p42.
- ²⁹ See Sef, *Revolyutsiya 1917 goda*, p355.
- ³⁰ See Valiko Dzhugeli, *Tyazhelyy krest*, Tiflis, 1920, pxv; Zhordania, *Moya zhizn'*, p80. Zhordania added: 'The time for repression against them had not yet arrived'.
- ³¹ Dzhugeli, *Tyazhelyy krest*, pxvi.
- ³² I. Dubinsky-Mukhadze, *Shaumyan*, Moscow, 1965, p333. Shaumyan himself may not have found out until 22 January 1918, see *ibid.*, p284.
- ³³ See N. N. Zhordaniya, *Za dva goda. Doklady i rechi*, Tiflis, 1919, p62.
- ³⁴ Zhordania, *Moya zhizn'*, p84.
- ³⁵ See Swietochowski, *Russian Azerbaijan*, p120.
- ³⁶ See *ibid.*, pp.122-123.
- ³⁷ *Ibid.*, p126.
- ³⁸ English translation of Chkhenkeli's telegram on civil.ge/archives/243815.
- ³⁹ *Ibid.*
- ⁴⁰ D. G., 'Edinstvennyy vykhod', in *Bor'ba*, No. 77, 26 May 1918, p2.
- ⁴¹ [Борьба, No. 78, 28 мая 1918 г., стр. 3.](#)
- ⁴² Cited in Woytinsky, *La Démocratie Géorgienne*, pp158, 159.
- ⁴³ Uratadze, *Obrazovanie i konsolidatsii*, p78.
- ⁴⁴ 'Hoch Georgia!!!', *Kaukasische Post*, No. 23, 29 May 1918, p1.
- ⁴⁵ 'Inland', *Kaukasische Post*, No. 23, 29 May 1918, p2.
- ⁴⁶ *Nash Golos*, No. 9, 5/18 June, 1918, in D. Pavlov, compiler, *Men'sheviki v 1918 godu*, Moscow, 1999, p. 515.
- ⁴⁷ See John W. Wheeler-Bennett, *Brest-Litovsk: The Forgotten Peace*, London 1938, p433.
- ⁴⁸ Woytinsky, *La Démocratie Géorgienne*, p213. For further details of the reform see Stephen Jones, 'Between ideology and pragmatism: social democracy and the economic transition in Georgia 1918-21', in *Caucasus Survey*, Vol. 1 No. 2, 2014, p9.
- ⁴⁹ Kazemzadeh, *The Struggle for Transcaucasia*, p193.
- ⁵⁰ See Woytinsky, *La Démocratie Géorgienne*, p170.
- ⁵¹ See Richard G. Hovanassian, *The Republic of Armenia. Volume 1. The First Year, 1918-1919*, Berkeley, CA, 1971, p4. Hovanassian gives a figure of 350,000 inhabitants of Tiflis.
- ⁵² Uratadze, *Obrazovanie i konsolidatsii*, p82.
- ⁵³ Republished as a separate volume, *Tyazhelyy krest*, at the end of 1920.
- ⁵⁴ Dzhugeli, *Tyazhelyy krest*, pp83-84 (online edition).
- ⁵⁵ Editorial in *Bor'ba* No. 104, 29 June 1918, p2.
- ⁵⁶ Jean Loris-Mélicof, *La Révolution Russe et les Nouvelles Républiques transcaucasiennes*, Paris, 1920, p164.

-
- ⁵⁷ See Mikael Varandian, *Le conflit Arméno-Géorgien et la guerre du Caucase*, Paris, 1919, pp72-73; Loris-Mélicof, *La Révolution Russe*, p138. The sources are Armenian. Precise numbers cannot be verified and may have been exaggerated.
- ⁵⁸ See Hovanassian, *Armenia. Volume 1*, pp71-72.
- ⁵⁹ See *ibid.*, pp114-117.
- ⁶⁰ Dzhugeli, *Tyazhelyy krest*, p109.
- ⁶¹ See Hovanassian, *Armenia. Volume 1*, p122.
- ⁶² *Ibid.*, p123.
- ⁶³ Varandian, *Le conflit Arméno-Géorgien*, p97.
- ⁶⁴ See Woytinsky, *La Démocratie Géorgienne*, p206.
- ⁶⁵ See *ibid.*, p194.
- ⁶⁶ *Ibid.*, p195.
- ⁶⁷ A full English translation of the 1921 constitution can be found on <https://matiane.wordpress.com/2012/09/04/constitution-of-georgia-1921/>
- ⁶⁸ See Woytinsky, *La Démocratie Géorgienne*, pp245-246.
- ⁶⁹ Loris-Mélicof, *La Révolution Russe*, p.164.
- ⁷⁰ See ‘Mery pravitel’stva k razgruzke Tiflisa’, *Bor’ba*, No. 262, 16 November 1919, p3.
- ⁷¹ See Kazemzadeh, *The Struggle for Transcaucasia*, pp234-239.
- ⁷² See J. Shaphir, *Secrets of Menshevik Georgia. The Plot against Soviet Russia Unmasked*, London, 1922, p8.
- ⁷³ See *ibid.*, pp29-32.
- ⁷⁴ See e.g. Dzhugeli, *Tyazhelyy krest*, pp140-141.
- ⁷⁵ On Tsalikov, see S. M. Iskhakov, ‘Men’shevik A. Tsalikov ob otnoshenii rossiyskikh musul’man k pervoy mirovoy voyne. 1917 g.’, in *XX vek i Rossiya*, 2, 2014, pp185-200.
- ⁷⁶ For a detailed analysis of the Abkhaz and Ossetian cases, see Cory Welt, ‘A fateful moment: ethnic autonomy and revolutionary violence in the Democratic Republic of Georgia (1918-1921)’ in Stephen F. Jones, ed., *The Making of Modern Georgia 1918-2012*, London, 2014.
- ⁷⁷ *Ibid.*, p222.
- ⁷⁸ Dzhugeli, *Tyazhelyy krest*, p233.
- ⁷⁹ *Ibid.*, p. 237.
- ⁸⁰ See Welt, ‘A fateful moment’, pp223-224.
- ⁸¹ See Kazemzadeh, *The Struggle for Transcaucasia*, pp297-299.
- ⁸² ‘A Promising Russian Border State – Mr Ramsay MacDonald on Georgia’, in *Manchester Guardian*, 12 October 1920, p8.
- ⁸³ *Ibid.*
- ⁸⁴ Karl Kautsky, *Georgia. A Social-Democratic Peasant Republic*, London, 1921, p8.
- ⁸⁵ *Ibid.*, p101.
- ⁸⁶ C. E. Bechhofer, *In Denikin’s Russia and the Caucasus, 1919-1920*, London, 1921, p14.
- ⁸⁷ Loris-Mélicof, *La Révolution Russe*, p.163.
- ⁸⁸ ‘A Promising Russian Border State’, p8.
- ⁸⁹ Varandian, *Le conflit Arméno-Géorgien*, p98.
- ⁹⁰ Loris-Mélicof, *La Révolution Russe*, p.137.